

Д-13
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи
УДК 294.3 (548.7+593)

ДАВЫДОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ БУДДИЙСКОЙ САНГХИ В ШРИ-
ЛАНКЕ И ТАИЛАНДЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Специальность: 09.00.06 -
Научный атеизм, история
религии и атеизма

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 1988

Работа выполнена в Институте востоковедения АН СССР.
Научный руководитель - доктор исторических наук Корнев В.И.
Официальные оппоненты:

- доктор исторических наук Э.О.Берзин
- кандидат исторических наук А.Л.Сафронова

Ведущая организация - Институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР.

Защита диссертации состоится "___" _____ 1988 г. в _____ часов на заседании Специализированного совета Д.003.01.02 по историческим наукам Института востоковедения АН СССР (Москва, ул. Жданова, 12).

С диссертацией можно ознакомиться в биб. библиотеке Института востоковедения АН СССР (Москва, ул. Жданова, 12).

Автореферат разослан "15" сентября 1988 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
по историческим наукам
кандидат исторических наук

Б.Г.Сейранян

© Институт востоковедения АН СССР, 1988

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет и задачи исследования. Основной задачей диссертации является сравнительный анализ с марксистско-ленинских методологических позиций идейно-политической роли сангхи - буддийской религиозной организации - в Таиланде и Шри Ланке в послевоенный период.

Актуальность избранной темы обусловлена все еще сильным воздействием традиционных структур, и в частности, религии, на самые различные стороны современного общественно-политического развития стран Востока, воздействием, корни которого следует искать прежде всего в глубоком проникновении религиозных идей в массовое сознание этих народов. В послевоенный период происходит заметная активизация религиозных учреждений и организаций, причем последние довольно деятельно стараются участвовать в решении целого ряда актуальных политических проблем современности. В использовании традиционных религиозных институтов для воздействия на массы определенную заинтересованность проявляют и светские буржуазные деятели, в результате чего религиозный фактор приобретает существенную значимость для оценки политической и идеологической ситуации в восточных обществах.

Настоящая работа строится на материале буддийской религии. Как надстроечная система, религия, как известно, помимо собственно культа, включает в себя религиозное сознание, религиозные отношения и религиозные организации. Для буддизма такой организацией является сангха. Первоначально под понятием "сангха" подразумевались все единомышленники основателя буддийского вероучения (Дхаммы), распространение которого в массах являлось основной задачей сформированного, по преданию, еще Буддой монашеского ордена. Со временем под сангхой стали понимать собственно монашескую общину, включающую монахов, живущих в монастырях, монахов странствующих

и лесных, а также послушников-саманер. С превращением буддизма в мировую религию сангха разделилась по национальному признаку, поэтому в каждом из современных буддийских обществ религиозная организация представляет собой во многих отношениях самостоятельный социальный институт со своей структурой, правилами субординации и координации и т.д. В настоящей работе, как и везде в востоковедной литературе, термин "сангха" употребляется для обозначения как отдельных групп монахов-"бхиккху", образующих локальные общины в монастырях (синг. "вихара", тайск. "ват"), так и национальной религиозной организации в целом.

Из стран распространения буддизма для сравнительного анализа идейно-политической роли монашеских общин автор выбрал Шри Ланку (до 1972 г. - Цейлон) и Таиланд. Этот выбор не был случайным, прежде всего, в обоих государствах господствующей религией является буддизм толка тхеравады, или "южного буддизма" (в отличие от буддизма махаяны, или "северного буддизма"), базирующийся на палийском каноне - "Типитаке". Следовательно, у двух национальных вариантов буддизма и у обеих монашеских общин имеется много общего в толковании важнейших положений буддийского вероучения. Центральной идеей религиозной системы как сингальского, так и тайского буддизма выступает концепция религиозных заслуг (пали "пунья", тайск. "бун", синг. "пин"), накапливаемых верующими-мирянами с целью улучшения кармы и достижения изобилия в будущих перерождениях. Значительная роль в концепции заслуг отводится сангхе, ведь именно при участии ее членов реализуется получение заслуг. С точки зрения буддийской догматики сангха как религиозная организация предназначена для достижения, в основном, следующих духовных целей: сохранения и распространения Дхаммы, а также облегчения монахам-"бхиккху" соблюдения канонических правил.

Другим фактором, способствовавшим выбору стран для сравнительного анализа, послужили давние связи между монашескими организациями Шри Ланки и Таиланда. Немаловажным представляется и то, что историко-культурные традиции обеих стран формировались на сходной базе социально-политических теорий, в частности, концепций власти. В отличие от махаяны, ориентирующей ищущих спасения мирян на следование указаниям духовного учителя-гуру, тхеравада опирается на индивидуальные усилия верующих, поэтому в странах ее распространения особенно велика роль государства, основной функцией которого становится обеспечение его гражданам наиболее благоприятных усло-

вий для ведения "истинно буддийского" образа жизни и, в частности, защита и покровительство буддийской сангхе.

Для выделения различий в идейно-политической роли религиозных организаций в Таиланде и Шри Ланке автору потребовалось избрать определенный угол зрения, некий стержень, без которого терялся бы смысл сравнения. Этим стержнем являются взаимоотношения сангхи и государства, использование религиозного фактора различными социально-классовыми силами в своих целях. Поэтому в диссертации особый упор сделан на политические, а не на социальные, экономические, культурные и прочие аспекты роли религиозных организаций в избранных странах.

Настоящая работа написана на фактологическом материале второй половины XX века, причем основное внимание было уделено последнему десятилетию, начиная со второй половины 70-х гг.

Научная новизна исследования. Попытка сравнительного анализа идейно-политической роли двух монашеских общин, предпринятая в данной диссертации, осуществлена впервые в советском востоковедении. Подобное исследование представляется правомерным из-за значительных различий в историко-культурных условиях эволюции государства на территориях Шри Ланки и Таиланда, о чем свидетельствует уже сама их история. Имеется ряд монографий и статей Н.Н.Бектировой, И.В.Всеволодова (Можейко), А.В.Гордона, В.И.Корнева, А.Л.Сафроновой, С.А.Симакина и Э.Д.Талмуд, в различной степени затрагивающих организации современного буддийского духовенства тхеравады, однако некоторые из этих работ написаны на материале Бирмы или Кампучии, другие посвящены рассмотрению всего религиозного комплекса стран тхеравады и лишь эпизодически концентрируют внимание на проблемах собственно сангхи, третьи охватывают более ранние временные рамки и т.д. Между тем, по мнению диссертанта, на сегодняшний день уже возможно проводить сравнительные исследования, и не только на материале тхеравады, используя для этого как уже имеющийся, так и еще не вводившийся в научный оборот страноведческий материал. При этом, помимо научной новизны, сравнительный подход к изучению идейно-политической роли национальных религиозных организаций имеет определенное научно-теоретическое и практическое значение.

Научная значимость. Расширение сравнительных исследований по данной проблематике позволило бы выявить ту роль, которую могут играть в современных светских государствах буддийские религи-

озные организации, эволюционирование различных направлений их социальной деятельности и идейных установок. Полученные научные результаты могут быть использованы в научно-педагогической и практической работе, при составлении лекционных курсов, учебных и методических пособий.

Практическая значимость настоящей диссертации во многом связана с активным участием многочисленных религиозных организаций, в том числе буддийских, в движении сторонников мира, в борьбе за разоружение и налаживание широких международных контактов, в решении глобальных проблем современности. Наряду с этим избранная тема представляет несомненную ценность для правильной оценки идейно-политического воздействия каждой из национальных групп духовенства тхеравады на внутривнутриполитическую обстановку, выявления и анализа специфики его участия в борьбе между прогрессивными и консервативными силами, а также выяснения различных форм мобилизации на участие в ней буддистов-мирян. Таким образом, данное исследование может оказаться полезным не только для специалистов - историков, социологов, политологов, востоковедов и религиоведов, но и для ряда практических организаций и учреждений.

Методологической основой настоящего исследования послужили труды классиков марксизма-ленинизма, в особенности те, в которых отражена роль традиционных представлений, поставлены проблемы эволюции государства и государственных форм, освещены различные аспекты национального вопроса и национализма как политико-идеологического явления. Важнейшую общетеоретическую основу составили также статьи и монографии советских ученых - религиоведов и востоковедов. Изучались работы отечественных исследователей, занимающихся общими проблемами религиоведения - Ю.А.Левады, М.П.Мчедлова, Д.М.Угриновича, И.Н.Яблокова и др. Ценным подспорьем для диссертанта стали также теоретические издания, посвященные идеологии национально-освободительного движения, труды по истории общественной мысли развивающихся стран, в том числе А.Б.Беленького, Б.С.Ерасова, А.И.Ионовой, Г.Ф.Кима, Л.Р.Полонской, Н.А.Симони, В.Г.Хороса. Много автор почерпнул из таких капитальных трудов, как трехтомник "Зарубежный Восток и современность", коллективных и индивидуальных монографий и сборников "Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки", "Исследования социологических проблем развивающихся стран", "Национальный вопрос в странах Востока" и многие другие.

Литература и источники. Использованные автором материалы можно разделить на несколько групп.

Прежде всего, были изучены переводы ряда канонических текстов и комментарии к ним, среди них - очень почитаемая в странах тхеравады "Дхаммапада", а также переводы исторических хроник обеих стран.

Существеннейшую роль при подготовке диссертации сыграли современные работы тайских и ланкийских авторов - как светских, так и религиозных деятелей, отражающие избранную тему как бы изнутри буддийской традиции и носящие в своей массе апологетический характер. В качестве примера можно назвать брошюры известных тайских идеологов буддизма: Буддхадасы, Дхаммасаро, президента Всемирного Братства Буддистов принцессы Пун Писмай Дискул; светского общественного деятеля Сулака Сивараксы; статьи таких видных ланкийских идеологов, как У.Д.Джаясекера, Н.Кодагода, Б.П.Киртхисингхе, Ананда Майтрея Маханаяка тхера, Нарада тхера и многие другие. Однако имевшиеся в распоряжении диссертанта источники такого рода не всегда позволяли проводить параллели в идейных воззрениях буддийских идеологов двух государств. Это, например, ощущалось применительно к Таиланду 80-х гг., и прежде всего в выступлениях буддистов страны за мир и права человека - сфере, где активность их шриланкийских собратьев достаточно высока. Далее, тайский материал не во всем предоставлял параллели такому всеобъемлющему трактату ланкийских бхиккху, как "Восстание в храме" - своего рода манифесту буддийского религиозного возрожденчества, увидевшему свет в 1953 г., но не потерявшему значения и теперь. С другой стороны, имевшимся в распоряжении автора работам буддийских идеологов Шри Ланки иногда недоставало обстоятельности освещения различных аспектов социальной роли монашества и буддизма в целом - обстоятельности, которая выгодно отличает их тайских коллег. Все это во многом предопределило отбор страноведческого материала для сравнительного анализа. Книжки, брошюры, статьи и выступления в прессе членов монашеских общин и буддистов-мирян Таиланда и Шри Ланки послужили основным источником диссертации.

Характер избранной темы обязывал подробно ознакомиться с трудами советских ученых-страноведов, специализирующихся на изучении истории, экономики, политики, общественной мысли и культуры обеих стран. Кроме упомянутых выше авторов, здесь следует назвать книги и статьи Э.О.Берзина, А.В.Гордона, А.Б.Зубова, Е.В.Ивановой, Н.И.

Калашникова, В.И. Корнева, Л.В. Ларионовой, Б.Н. Мельниченко, Н.В. Ребриковой, В.А. Федорова (Таиланд); В.И. Кочнева, Н.Г. Краснодембской, Ю.Н. Маслова, А.Л. Сафроновой, Э.Д. Талмуд (Шри Ланка). В работах А.В. Гордона, В.И. Корнева, Н.Г. Краснодембской, А.Л. Сафроновой, Э.Д. Талмуд содержится анализ социально-политических функций буддизма тхеравады и, в частности, буддийского духовенства в новое и новейшее время, а также роли религиозных общин двух государств в истории национально-освободительной борьбы и на современном этапе. Сведения, повернутые из их трудов, широко использованы в диссертации, они оказали немалую помощь в выделении ключевых моментов для сравнительного анализа.

Близость проблематики Шри Ланки и Таиланда к остальным странам тхеравады обусловили необходимость знакомства с монографиями Н.Н. Бектимировой (Кампучия) и И.В. Всеволодова (Бирма), также оказавшими влияние на выбор авторской позиции и подходов к проблеме. Интерес в этом плане представили и исследования советских ученых, проводимые на материале других религий Востока.

Из широкого круга использованных иностранных публикаций следует прежде всего отметить тайские и ланкийские издания, авторами которых являются такие известные политологи и социологи, как К. Малалгода, Г. Обейсесере, В.С. Самаравира (Шри Ланка), Т. Понгсанти, С. Суксамран (Таиланд) и другие. Большое место в группе зарубежных материалов занимают статьи и монографии западных, прежде всего американских ученых, занимающихся конкретно-социологическим изучением буддизма и монашеских общин в отдельных странах тхеравады. Среди них: по Шри Ланке — Р. Гомбрич, Р. Готони, Дж. Джапп, М. Робертс, Б.Л. Смит; по Таиланду — Д.А. Вильсон, Ф. Дарлинг, Дж. Ингерсолл, Ч.Ф. Кейес, Л.М. Хэнкс и др. Эти буржуазные авторы, как и большинство их коллег, придерживаются в основном тех или иных разновидностей позитивистской методологии, что вызвало необходимость критического к ним подхода. Вместе с тем в их работах содержатся ценные фактические данные, полученные в результате полевых исследований, а также ряд не лишённых интереса выводов и обобщений.

При написании диссертации автор внимательно ознакомился с многочисленными публикациями западных буддологов — таких, как Х. Бехерт или Т.О. Линг, в которых проводились параллели между отдельными странами тхеравады в плане сравнения роли в них монашеских общин. Бесспорно, подобные попытки представляли немалый интерес, однако в подавляющем большинстве случаев в них выделялись лишь отдельные сходные или отличительные моменты, скажем, политической

или социальной активности буддийского духовенства, а систематизированное сравнительное исследование не выдвигалось в качестве главной цели. Так, в статье известного социолога Х.-Д. Эверса "Буддийская сангха на Цейлоне и в Таиланде", изданной в журнале "Социологус" в 1968 г., сравнительный анализ ограничивается рассмотрением структурных особенностей национальных монашеских орденов и не применяется для исследования идейно-политической роли бхиккху. Таким образом, можно утверждать, что тема настоящей диссертации не нашла прямого и полного отражения и в зарубежной востоковедной литературе.

Возвращаясь к источниковедческой базе диссертации, надо отметить, что она была бы неполной без широкого использования автором материалов периодической печати, как советской, так и иностранной: тайской, ланкийской, индийской и периодики других азиатских стран, а также западноевропейской и американской.

Апробация работы. Диссертация в целом обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании Сектора проблем идеологии и религии Отдела общетеоретических проблем социально-политического развития стран Азии и Северной Африки Института востоковедения АН СССР 7 января 1987 г. Ее основные положения и выводы изложены автором в статьях и докладах, прочитанных на конференциях ИВ АН СССР и Третьей всесоюзной конференции молодых востоковедов.

П. Содержание и структура работы.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения. В обеих главах, посвященных, соответственно, Таиланду и Шри Ланке, автор старался выявлять специфику идейно-политической роли каждой из национальных буддийских общин, рассматривая это в качестве одной из главных своих задач. Такой подход к отбору и организации материала позволил отказаться от планировавшейся первоначально третьей, "сравнительной" главы, перенеся основную тяжесть сравнительного анализа на вторую главу и заключение. Прилагается список использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, научно-практическая ценность работы, а также дается краткий обзор привлеченной литературы и источников.

Первая глава — "Таиланд" — содержит обобщенную характеристику тех черт, которые составляют специфику идейно-политической роли современного тайского монашества. Остановившись на особенностях организационной структуры тайской сангхи, диссертант подчерки-

вает наличие в ней значительного числа так называемых "временных" монахов. Отсутствие в тайском буддизме запрета на снятие сана, а также ряд социально-экономических факторов приводят к тому, что примерно три четверти молодых монахов и саманер-послушников пребывают в общине, пока у них есть возможность продолжать образование и, как следствие этого, получить по выходе из сангхи более престижную должность и высокий социальный статус. Поэтому в представлении мирян вступление в орден не только способствует накоплению религиозных заслуг, но и влияет (конечно, лишь в определенных пределах) на социальную мобильность в обществе. Большая ротация бхиккху и саманер не может не приводить к тому, что у буддийского духовенства Таиланда крайне слабо выражены и оформлены корпоративные интересы, которые в противном случае могли бы не совпадать с интересами правящей элиты, бросали бы прямо или косвенно вызов существующей социально-классовой структуре общества.

Таиланд — единственная страна распространения тхеравады, избежавшая прямого колониального вмешательства, поэтому влияние религиозных традиций на современные общественные структуры здесь выше, чем в соседних государствах. Религиозная идеология, проводником которой является буддийское духовенство, закрепляет в сознании мирян представления о том, что статусная или классовая принадлежность индивида есть результат его моральных или аморальных поступков в прошлых перерождениях. Таким образом, социальная пирамида, в которой монашество занимает одну из высших ступеней, предстает отражением нравственной дифференциации общества, где степень нравственности убывает по мере удаления от власти имущих. Эта концепция оставляет место для любых видов социальной или политической мобильности, поскольку повышение статуса индивида само по себе служит свидетельством наличия у него определенного морально-этического потенциала, делающего данного человека неподвластным критике со стороны низших по социальному положению (и, соответственно, по уровню морали).

Наряду с монархией и преобладанием в правительстве военных, сангха входит в число наиболее стабильных социальных институтов современного тайского общества. Поэтому в выработке целей, расчетов и решений политические лидеры вынуждены учитывать буддийскую мораль и высокий авторитет бхиккху. Буддийская община осуществляет санкционирование важнейших государственных мероприятий, в частности, деятельности типа программ общинного развития, успех кото-

рых в провинциях зачастую непосредственно зависит от поддержки беспристрастных, по мнению крестьян, местных монахов. Вовлеченность членов сангхи в светскую социальную деятельность представляет собой, по сути дела, плохо замаскированное использование сангхи в политических целях. Кроме того, правительство успешно использует общину и как своего рода заслон от проникновения в страну коммунистической идеологии. Поэтому в идеологическом плане сангхе отводится значительная роль в воспроизводстве религиозного мировоззрения и консервации религиозных ценностей.

Далее диссертант подробно останавливается на специфике взаимоотношений тайского монашества с политической властью. В массовом религиозном сознании оба традиционных института — сангха и монархия воспринимаются нераздельно друг от друга. Буддизм являлся и продолжает являться государственной религией Таиланда, а буддийская идеология — частью государственной идеологии страны. В присущей тайскому буддизму концепции власти закреплена традиция идеализации (с позиций все той же теории воздаяния) достойного правителя. Эта традиция довольно прочно утвердилась в массовом сознании, поскольку лежащие в ее основе религиозные принципы не испытывали разрушительного влияния светской идеологии.

В силу того, что функции буддийского духовенства по отношению к государственной власти были практически ограничены санкционированием ее законности и морального права на реформы, идейно-политическая роль сангхи в тайском обществе оказалась не связанной с определенной системой монархического правления, поэтому после замены в 1932 г. абсолютной монархии конституционной сущность взаимоотношений сангхи с государством мало изменилась. Вместе с тем с ростом числа политических партий оформилась их "статусная иерархия" в глазах избирателей: наибольшим престижем пользуется правительственная (т.е. уже "доказавшая" свое моральное право на власть), а партии оппозиции классифицируются по степени популярности их лидеров. Точно также исход государственных переворотов воспринимается массовым сознанием как результат благоприятной или неблагоприятной кармы возглавляющих их лиц и наличия у последних достаточно большого количества заслуг. Для не имеющих политического авторитета, следовательно, наиболее оптимальным поведением считается повиновение вышестоящим, что влечет за собой такие черты политической культуры тайцев, как осуждение любых социальных и политических конфликтов и стремление сохранить "статус кво".

Высокий авторитет тайских политиков — обладателей "нравст-

венных заслуг" позволяет им вмешиваться в вопросы внутренней жизни буддийской сангхи, что преподносится как помощь ей со стороны государства. Проведя ряд реформ, последняя из которых датируется 1962 г., светская власть добилась строгой иерархичности организационной структуры ордена, а также превращения духовной элиты в категорию государственных служащих. Обязательная отчетность низших органов перед высшими (особенно в плане "благонадежности") сочетается с неусыпным правительственным контролем на всех уровнях. Еще с 1932 г. действует закон, по которому монахи могут исключаться из общины за организацию в ней раздоров и группировок.

Между сангхой и современной бюрократией в Таиланде существуют отношения (особенно тесные на уровне высших эшелонов), основанные на взаимной необходимости и подкрепленные общностью консервативных политических взглядов. Однако правящие круги понимают, что в связи с объективной неизбежностью роста секуляризации общественной жизни значение религиозной концепции законности политической власти неминуемо снижается. В этих условиях возрастает роль короля как олицетворения высшей добродетели и национальной целостности. Идеалом для монарха издавна считалась полная отстраненность от "грязи" политических интриг. Но примерно на рубеже 60-х гг. королевский дом начал активизироваться в политике, причем более чем за 25 лет правления нынешний король Рама IX сумел не запятнать себя участием в политических скандалах. В последние годы между королевской властью и военно-бюрократическими режимами существовало нечто вроде молчаливого соглашения о политическом несоперничестве.

Монархия, как и неразрывно связанная с ней сангха, представляют собой инструменты легитимации политической элиты. Но возможность использования этих двух институтов военно-бюрократическими режимами представляется неодинаковой. В современном Таиланде королевский дом играет все более самостоятельную роль в развитии политического процесса, тогда как тайское монашество, находящееся под жестким административным контролем правительства, такой возможности лишено.

Влияние традиционных буддийских ценностей на психологию и поведение мирян автор прослеживает на примере учащихся и студентов — наиболее эффективной оппозиционной силы в начале и середине 70-х гг. Из триады символов тайской идентичности — нации, короля и религии первая играла главенствующую роль в идеологии студенчества. Влияние буддизма и, в частности, сангхи было, по существу, ограничено мировоззренческой сферой. Это проявилось, например, в возник-

новении "психологического барьера" между традиционно высокими по статусу студентами и помогавшими им простыми тружениками; в критике правящего антинародного режима с позиций религиозных представлений о моральном праве на власть; в самом факте обращения протестующей молодежи к монарху как к источнику истинно моральной власти и т.д. При этом буддийские идеи играли подчиненную роль по отношению к националистическим и проявлялись в опосредованном виде, преломляясь сквозь призму буржуазного национализма.

Что касается позиции сангхи, то для большей ее части с самого начала была характерна отстраненность (во многом навязанная высшими иерархами) от участия в политике. Однако правительству и силам реакции удалось активизировать целый ряд буддийских организаций и отдельных бхиккху с крайне правых позиций. По существу, триада традиционных символов (нация, король, религия) служит для современных реакционных политических деятелей идеологическим щитом, ограждающим массы населения от влияния демократических идей.

Во второй главе — "Шри Ланка" — диссертант не только рассматривает идейно-политическую роль буддийского духовенства страны, но и проводит постоянные параллели с Таиландом.

Специфика ланкийской сангхи как религиозной организации состоит в отсутствии в ней временных монахов, как это имеет место в Таиланде. Поэтому сингалское монашество можно рассматривать как сравнительно замкнутую группу служителей культа, способных выступать с платформы своих собственных интересов, и в этом также одно из ее отличий от тайского духовенства. С другой стороны, такая возможность зачастую затруднена тем, что автор выделяет в качестве еще одной специфической черты: значительной социальной, кастовой и идейно-политической дифференциацией ланкийской сангхи.

Отличительной особенностью Шри Ланки является гораздо большая, нежели в Таиланде, этническая неоднородность населения, поэтому автор подробно останавливается на влиянии духовенства и буддизма в целом на национальное самосознание мирян, а также позиции бхиккху по поводу непрекращающихся межэтнических конфликтов.

Можно констатировать, что буддийское вероисповедание у сингалов, как и у тайцев, продолжает и по сей день служить фактором национальной идентичности, т.е. религиозная общность в большинстве случаев совпадает с этнической общностью. Этот факт еще в древности послужил основой для отраженных в сингалских палийских хрониках (и не потерявших своего значения в современный пе-

риод) идей о "богоизбранности" сингальского народа, "чистоте и первозданности" сингальского буддизма в отличие от других национальных вариантов тхеравады. Отсюда претензии современных религиозных идеологов Шри Ланки на провозглашение "истины в последней инстанции", что не свойственно их тайским коллегам. Здесь же следует искать истоки откровенно шовинистических, антитамильских настроений наиболее реакционной части сингальского монашества. Подобные взгляды (их отражением явилась, в частности, позиция представителей сангхи на недавней всепартийной конференции "круглого стола"), как и традиционные религиозные представления об "особой" миссии сингальского народа по спасению "истинного" буддизма от внешних врагов—тамиллов, с успехом используются националистическими элементами для достижения своих целей. В то же время большая часть представителей всех монашеских братств выступает против коммуналистских столкновений, в защиту общенациональных интересов.

Рассматривая место сангхи в ланкийском обществе, диссертант отмечает, что по характеру взаимоотношений мирян с членами буддийской общины современная Шри Ланка мало отличается от Таиланда: в обеих странах, особенно в сельской местности, бхиккху не порывают социальных связей и пользуются традиционным почитанием верующих.

Оба государства объединяет также общность взглядов религиозных идеологов по вопросам модернизации. Теоретики буддизма пытаются предложить свое решение проблем, которые приносит с собой развитие капиталистических отношений. Обсуждая прозападную ориентацию своих стран в ущерб их национальной и культурной самобытности, такие идеологи, как У.Д.Джаясекера или П.Дхитиватана, сетуют на недостаточное, по их мнению, участие буддийского духовенства в социальной деятельности. Во-первых, подчеркивается роль сангхи как социального регулятора, дающего многим членам общества шанс улучшить свое общественное положение. Во-вторых, указывается на наличие в палийском каноне (часты ссылки на Сигаловада—сутту) готовых решений практически любых социальных конфликтов, стоит лишь каждому индивиду добросовестно выполнять свои социальные обязанности. Наконец, в-третьих, сангха в концепциях ее идеологов выступает прообразом и зародышем общества социальной справедливости, которое нужно только "распространить" на остальное население страны.

Специфику современного шриланкийского буддизма по сравнению с тайским определяют и сложившиеся взаимоотношения сангхи с государственной властью. Подробно анализируя эволюцию этих взаимоот-

ношений, диссертант отмечает, что в колониальный период произошло отделение сангхи от государства и разрушение традиционной для Цейлона связи духовной и светской власти. В результате этого, с проникновением светской буржуазной, а также христианской идеологии, господство буддизма как мировоззренческой системы оказалось подорванным в гораздо большей степени, нежели в Таиланде. Кроме того, отрыв сангхи от государства положил начало значительной автономии буддийского ордена от правительства в плане регулирования внутриобщинной жизни, а также участия различных групп монашества в политике в целях отстаивания своих корпоративных интересов.

Послевоенный этап истории страны характеризуется тесной связью буддизма с национализмом в политике. Религиозная идеология стала частью официальных концепций, выдвигаемых светскими идеологами национализма, а доминировавшая в доколониальный период идея защиты и патронажа государством буддийской религии получила как бы второе рождение. Непрерывное, вплоть до последнего десятилетия, соперничество за власть двух буржуазных партий — Объединенной национальной партии и Партии Свободы Шри Ланки (ПСШЛ) способствовало резкому возрастанию политической активности бхиккху различных сект. Несмотря на то, что сами члены сангхи не могут принимать участия в парламентских выборах (на партийную принадлежность запрет не распространяется), поддержка буддийского духовенства может оказать существенное влияние на их исход, примером чему служат избирательные кампании 1956 и 1965 гг. Влияние религиозного фактора на политический процесс в Шри Ланке и, в частности, на исход парламентской борьбы, — одно из существенных отличий ее от Таиланда. Монашеская община в стране становится объектом постоянного внимания как правительства, так и оппозиции. Политические события независимого периода показывают, что правительство (какая бы партия ни стояла у власти) всегда заинтересовано в поддержке монашества для стабилизации и легитимации своего режима. Оппозиция же использует эту заинтересованность путем оказания, с помощью различных групп духовенства, прямого давления на правительство.

Диссертант, однако, не склонен сводить политическую роль ланкийского монашества только к его использованию противоборствующими группировками буржуазии, хотя именно активизация извне определяет роль религиозного фактора в идейно-политической системе ланкийского общества. Место сангхи в идеологической борьбе таково, что позволяет ей, при наличии соответствующих условий, не только выступать в качестве инструмента чьего-либо давления, но и выдвигать

гать свои собственные требования, если политика светских лидеров представляет реальную угрозу либо идейно-политическому влиянию духовенства (например, установление административного контроля над сангхой), либо его социально-экономическому статусу (взаимные налогов с монастырей и т.п.). При явно ограниченной "самостоятельности" политических выступлений ланкийского духовенства само их наличие отличает Шри Ланку от Таиланда, где подобная деятельность на сегодняшний день невозможна. Далее, в своих выступлениях сангха вынуждена искать себе союзника в лице оппозиции, также как это делает последняя, активно используя бхиккху против правительства. Этот момент идейно-политической роли буддийского духовенства также отсутствует в Таиланде.

Стабильность существующих взаимоотношений буддийской общины с государством приводит диссертанта к выводу о невозможности как отказа светских политических деятелей от использования религиозного фактора в политических целях, так и объявления буддизма государственной религией (как это имеет место в Таиланде). В конечном счете это приводит к преемственности в религиозной политике, поскольку ни одной из претендующих на власть группировок не выгодно менять свои лозунги по данному вопросу. Начавшийся в Шри Ланке с конца 70-х гг. период президентской формы правления также не внес серьезных изменений в сложившиеся взаимоотношения сангхи с государством, т.к. они по-прежнему продиктованы необходимостью стабилизации и легитимации существующего режима.

Отдельно рассматривается автором важный для Шри Ланки вопрос о взаимоотношениях сангхи с "традиционными левыми" партиями - Социалистической партией Ланки и компартией, которых бхиккху, вслед за буржуазной прессой, без учета существующих между ними различий называют "марксистами". В качестве примера рассматривается предвыборная кампания 1964-65 гг., в которой активное участие приняли как сторонники, так и противники коалиции правящей ПСШЛ с левыми.

Агитация монашества против левых партий сводилась (и сводится), по сути, к обвинениям их как атеистов в неприятии всяческой религии, а значит - неминуемым гонениям на сангху, буддистов-мирян и других верующих в случае прихода к власти. Эти нападки обычно заканчивались призывами голосовать против коалиционного правительства, что в итоге способствовало победе консервативных сил. Для про-коалиционно-настроенной части духовенства и мирян были характерны попытки теоретически "примирить" марксизм (известный,

как правило, в изложении буржуазных авторов, но не по первоисточникам) с учением Будды; признание наличия у обеих идеологических систем таких общих ценностей, как стремление к миру, достижение справедливого распределения общественных благ, забота о бесправных и нуждающихся. При этом сознательно затушевываются глубокие различия в средствах: марксистские методы устранения классовых антагонизмов заменяются буддийским ненасильственным, основанным на осознании индивидом своего долга перед обществом, на постепенных преобразованиях в государстве, дискуссиях и соглашениях. Акцент при этом делается не на внешние по отношению к индивиду изменения его бытия, а на внутреннюю перестройку его сознания, что позволит в дальнейшем создать из таких "реформированных" личностей новое общество.

В основе общих для религиозных теоретиков Шри Ланки и Таиланда взглядов на взаимоотношения с чуждыми буддизму идеологиями лежат заложенные в палийском каноне (цитируются Махапариниббана-сутта из Дигха-никаи и Упали-сутта из Маджджимма-никаи) идеи "мирного сосуществования" в идеологической сфере, отрицания монополии на истину как духовных учителей, так и философских школ, каждая из которых отражает, учил Будда, различные ступени постижения истины. Отсюда постулируется тезис о том, что расхождения в учениях не должны являться причиной идеологических и социальных конфликтов, мешающих нормальному развитию общества.

Большое внимание уделяется буддийскими теоретиками 70-80-х гг. и проблемам выживания религиозной идеологии и сангхи как ее носителя в условиях растущего влияния "Запада", под которым обычно понимается целый спектр идейных течений, от коммунистических до откровенно проимпериалистических. Ни одно из этих течений, ввиду их материалистической основы, не может быть приемлемо для буддийских стран, утверждают богословы, однако с ними приходится считаться. Ужиться с чуждыми идеологиями, до минимума снизить их "развращающее влияние" может только сильная монашеская община, вокруг которой должны объединиться миряне. Чтобы выжить, буддизму необходимо проявить максимум терпимости, свойственной учению Будды с древнейших времен. При этом сила или слабость буддизма, его выживание или смерть, резюмируют теологи, будут в значительной степени зависеть от того, насколько его приверженцам удастся сохранить чистоту вероучения и сангху как его носителя.

В развернутом заключении автор подводит итоги исследования идейно-политической роли религиозных организаций Таиланда и Шри

Ланки за послевоенный период, выделяя наиболее контрастные моменты, которые необходимо учитывать в практической работе.

1. Различия наблюдаются уже на уровне сравнения национальных сангх как религиозных организаций: ланкийское монашество отличается большей дифференцированностью в организационном, социально-кастовом и идейно-политическом отношении, сочетающаяся с гораздо более выраженными и яростно отстаиваемыми корпоративными интересами.

2. Имеется много сходного в социальных связях двух буддийских общин, их воздействии на мирян, однако сфера социальной деятельности тайского духовенства представляется автору шире, а мировоззренческая роль (как проводников религиозной идеологии) выше, нежели в Шри Ланке.

3. Данные сравнительного анализа взаимоотношений сангхи с политической властью свидетельствуют об определяющем значении этих взаимоотношений для оценки идейно-политической роли монашеских общин. Характер и формы взаимодействия сангхи с государством, складывавшиеся на протяжении многих лет, служат основой для понимания практически любых видов идейного или политического воздействия буддийского духовенства на общественную жизнь. Автор констатирует также общую для обеих стран относительную стабильность взаимоотношений сангхи с государственной властью, но эта внешняя сбалансированность несет в себе различное содержание, поскольку вызвана разными конкретно-историческими причинами.

4. В протекании процессов секуляризации в Таиланде и Шри Ланке сходным является то, что светским правительствам этих стран удалось найти наиболее подходящее для своей внутренней политики соотношение светского и религиозного начал. Устойчивость этого соотношения достаточно закономерна, поскольку представляет собой следствие стабильности во взаимоотношениях буддийского монашества с политической властью. Вместе с тем рост коммуналлизма, соображения тактики предвыборной борьбы или другие факторы могут в отдельные периоды нарушать сложившийся "баланс сил" в Шри Ланке в ту или иную сторону. Что касается Таиланда, то здесь процесс секуляризации, как это ни парадоксально, нередко ограничивается интересами светских лидеров, заинтересованных более всего в возрастании идейно-мировоззренческой роли сангхи.

5. Для обоих государств характерно сращивание в политике буддизма и национализма, прежде всего использование сангхи для целей национальной интеграции и легитимации существующих режимов. При этом буддизм и сангха выдвигаются в качестве критерия, позволяю-

щего отделить от "чужого" "свое" и "защитить" его. Спецификой Таиланда является то, что критерием "морального", "своего" существования и поведения может выступать еще один атрибут тайской идентичности - монархия. Другая особенность выражается в доминирующей в тайском буржуазном национализме последних лет тенденции, когда включение религиозных идей в националистические доктрины служит заслоном исключительно для леворадикальной идеологии.

Отличительными чертами Шри Ланки с первых лет независимости были, во-первых, гораздо большая, чем в Таиланде, острота межэтнических конфликтов и значительная роль в них религиозного фактора; во-вторых, своего рода "обратная связь", когда идеологи духовенства ловко используют националистическую политику правительства в целях укрепления собственного престижа; в-третьих, двойственность позиции сангхи, с одной стороны, участвующей в антинационалистических кампаниях, а с другой, претендующей на выражение общенациональных интересов и выступающей против кровопролития.

6. Светские правители обеих стран заинтересованы в участии национальных религиозных организаций в капиталистической модернизации общества, причем основное внимание обращается не столько на конкретную социальную деятельность монашества, сколько на легитимацию им правительственных акций, помощь мирянам в адаптации к новым реалиям современной жизни, т.е., по сути, на модернизацию общественного сознания. Это сознают и теоретики монашества, выдвигающие на первый план не экономические или политические, а социально-этические концепции модернизации.

x x
 x

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. "Тод катхин" в Таиланде // Азия и Африка сегодня. - 1983. - № 2. - С. 60-61. - 0,3 а.л.
2. Буддийская концепция государственной власти и ее роль в современной Шри Ланке // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. - Т. П. - М.: Наука, 1983. - С. 43-45. - 0,2 а.л.
3. Политическая роль буддизма в Шри Ланке и Таиланде после второй мировой войны // Развивающиеся страны: экономика, политика, идеология. - М.: Наука, 1985. - С. 77-87. - 0,5 а.л.